

Предисловие к двадцать пятому изданию

Прошло почти двадцать пять лет со времени первого издания этой книги. Двадцать четыре издания, вышедшие с тех пор, нашли читателей среди специалистов и неспециалистов, в особенности среди учащейся молодежи, и я рад, что новое издание в Библиотеке Эйвон сделает книгу доступной еще более широкой публике.

"Бегство от свободы" – это анализ феномена человеческого беспокойства, вызванного распадом средневекового мира, в котором человек, вопреки всем угрозам, чувствовал себя уверенно и безопасно. После столетий борьбы человек сумел создать неслыханное изобилие материальных благ; в одной части мира он создал демократическое общество – и недавно сумел защитить его от новых тоталитарных угроз. Но – как показывает анализ в "Бегстве от свободы" – современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам – или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат.

Через двадцать пять лет возникает вопрос: сохранились ли социальные и психологические тенденции, вскрытые в этой книге; нет ли признаков того, что они идут на убыль? Несомненно, причины, вызывающие у человека страх перед свободой, беспокойство и готовность превратиться в автомат, за последние четверть века не только не исчезли, но и значительно возросли. Важнейшим в этом смысле событием было открытие атомной энергии и возможность ее применения в качестве оружия уничтожения. Никогда прежде в своей истории род человеческий не стоял перед угрозой полного истребления, тем более собственными руками. Но совсем недавно, во время Карибского кризиса, сотни миллионов людей в Америке и в Европе в течение нескольких дней не знали, увидят ли они и их дети завтрашний день. И хотя с тех пор были предприняты усилия, чтобы уменьшить опасность подобных кризисов, разрушительное оружие по-прежнему существует; остаются кнопки, остаются люди, обязанные нажать их по приказу, когда это покажется необходимым. И остаются беспомощность и тревога.

Наряду с ядерной революцией (быстрее, чем это можно было предвидеть двадцать пять лет назад) развивалась революция кибернетическая. Мы вступаем во вторую промышленную революцию,

когда не только физическую энергию человека – его руки, – но и мозг его, и нервные реакции заменяют машины. В наиболее развитых индустриальных странах, таких, как Соединенные Штаты, растет безработица в связи с увеличением нового рода безработицы. Человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его. Увеличилась и другая опасность – демографический взрыв. И здесь мы видим плоды прогресса: достижения медицины привели к такому росту населения, особенно в слаборазвитых странах, что рост производства не может за ним угнаться.

За минувшие двадцать пять лет возросли гигантские силы, угрожающие выживанию человека, отчего усилилось и стремление к бегству от свободы. Но есть и обнадеживающие признаки. Исчезли диктатуры Гитлера и Сталина. В советском блоке, особенно в малых государствах, хотя они остались ультраконсервативными и тоталитарными, наметилась отчетливая тенденция к либерализации режимов. Соединенные Штаты проявили устойчивость по отношению ко всевозможным тоталитарным движениям, пытавшимся усилить свое влияние; были сделаны важные шаги к политическому и социальному освобождению негров – особенно впечатляющие ввиду мужества и дисциплины авангарда борцов за равноправие, как самих негров, так и белых. Из всего этого видно, что стремление к свободе, присущее природе человека, хотя оно может быть и извращено, и подавлено, снова и снова проявляет свою силу.

Но эти ободряющие факты не должны вводить нас в заблуждение, будто опасность "бегства от свободы" сегодня не столь велика, как во время первого издания этой книги. Опасность только возросла.

Значит ли это, что теоретические открытия социальной психологии бесполезны, в смысле воздействия на общественное развитие? Трудно дать на этот вопрос убедительный ответ. Автор, работающий в этой области, может проявлять чрезмерный оптимизм по поводу социальной ценности своей деятельности и деятельности своих коллег. Но хотя я не упускаю этого из виду, моя уверенность в важности осознания индивидуальных и социальных реалий только возросла. Причина этого, коротко говоря, состоит в следующем. Многим исследователям человека и современной жизни общества становится все яснее, что решающая трудность, стоящая перед нами, – это значительное отставание развития человеческих эмоций от умственного развития человека. Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце боль-

шинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы. Человек подавляет в себе иррациональные страсти – влечение к разрушению, ненависть, зависть и месть; – он преклоняется перед властью, деньгами, суверенным государством, нацией; и хотя на словах он отдает должное учениям великих духовных вождей человечества – Будды, пророков, Сократа, Иисуса, Магомета, – он превратил эти учения в клубок суеверий и идолопоклонства. Как же человечество может спастись от самоуничтожения в этом конфликте между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью?

Настолько я могу судить, есть только один ответ: необходимо все большее понимание важнейших фактов нашего социального бытия; необходимо осознание, которое сможет предохранить нас от непоправимых безумств, несколько повысив нашу способность к объективности и разумному суждению. Мы не можем рассчитывать, что преодолеем все заблуждения нашего сердца – с их пагубным влиянием на наше воображение и мышление – за время жизни одного поколения; быть может, пройдет тысяча лет, прежде чем человек перерастет свою дочеловеческую историю, длившуюся сотни тысяч лет. Но в этот решающий момент – несколько лучшее понимание, несколько большая объективность могут решить для человечества спор между жизнью и смертью. Поэтому столь насущно развитие научной, динамической социальной психологии. Прогресс социальной психологии необходим, чтобы противодействовать опасностям, вызванным прогрессом физики и медицины.

Более, чем кто-либо другой, сознают недостаточность наших знаний исследователи, работающие в этой области. Надеюсь, что книги, подобные данной, могут побудить ученых посвятить социальной психологии свои силы, показав им, насколько необходимо ее развитие, в котором мало что сделано, кроме самых основ.

Меня могут спросить, не считаю ли я нужным пересмотреть свои теоретические выводы двадцать пять лет спустя. Должен сказать, по моему мнению, этот анализ, в своих существенных элементах, остается верным; он нуждается лишь в дальнейшем развитии и интерпретации. Отчасти я сам попытался это сделать с тех пор, как написал "Бегство от свободы". В книге "Здоровое общество" я расширил и углубил анализ современного общества; в книге "Человек

как он есть" рассмотрел вопрос об этических нормах, основанных на нашем знании о человеке, а не на авторитете или откровении; в "Искусстве любви" исследовал различные аспекты этого чувства; в "Сути человека" проследил корни ненависти и влечения к разрушению; наконец, в книге "По ту сторону цепей иллюзии" я рассмотрел отношение между мыслями двух великих теоретиков динамической науки о человеке – Маркса и Фрейда.

Надеюсь, что это издание "Бегства от свободы" будет способствовать дальнейшему возрастанию интереса к динамической социальной психологии, побуждая молодых людей посвятить себя этой области науки, вызывающей столь живой интеллектуальный интерес именно потому, что она – в начале своего развития.

Эрих Фромм